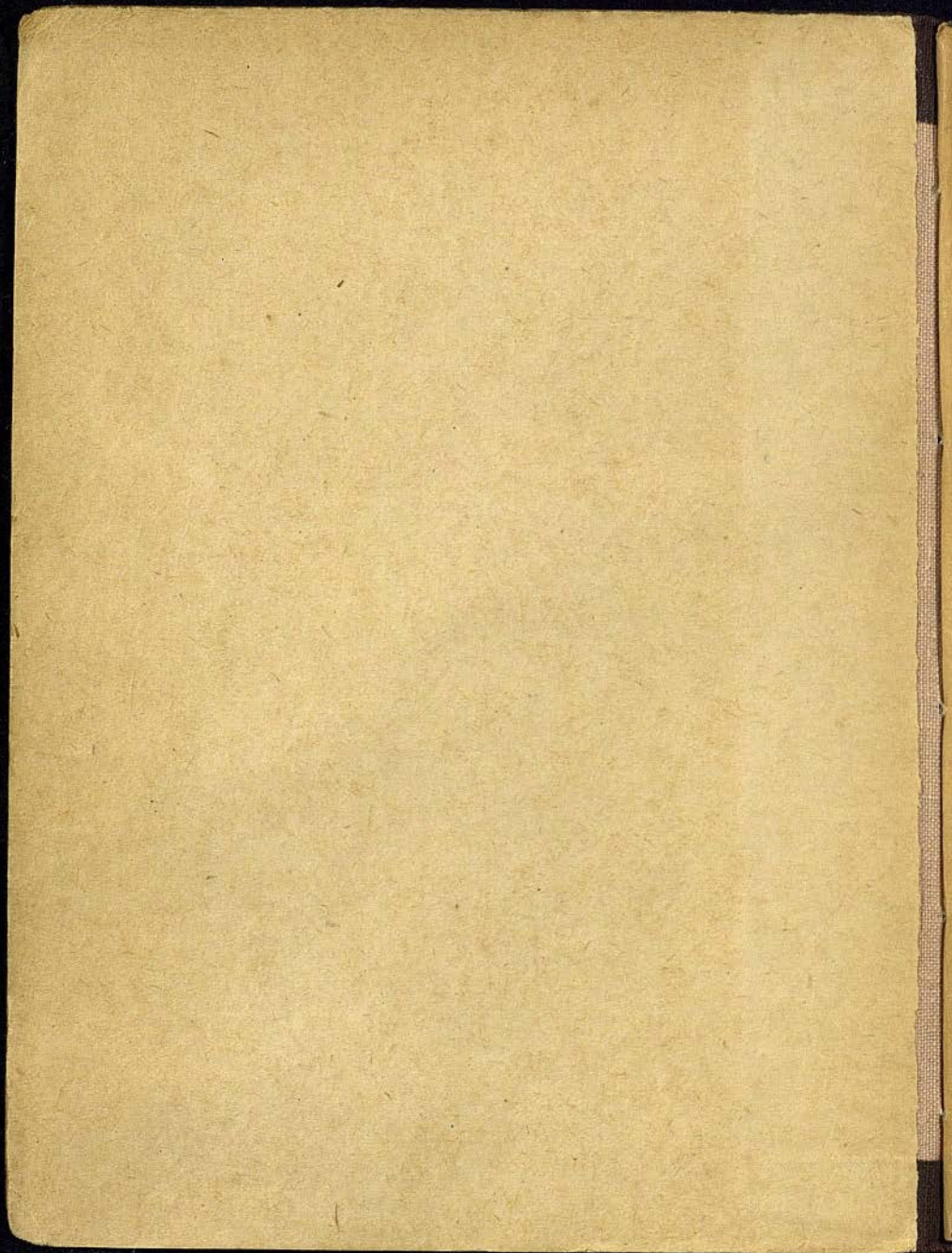


T 39 618



T 39 =  
618

Михайлу Ивановичу  
Смирнову  
Андрей Смирнов

Государств. публичная  
историческая  
библиотека РСФСР

1395561 и ✓

### История края.

Первоначальным населением нашего края было финское плѣмя, которое летопись называет меря и общим для финских племен именем чудь. Следы существования меря в нашем крае видны из летописного наименования Галича Мерьским, из таких названий, как Нерехта (Мерехта), озеро Мерское, Мерский стан и Мерская волость, река Мера и Мерская, с. Чудцы и Чудская волость, г. Судай (Чудай)<sup>1)</sup> и пр. и вообще из номенклатуры наших рек, речек, местностей, звучащей явно не по-русски: Кострома, Узокса, Воржа, Андоба, Тебза, Векса, Едомша, Челсма, Чухлома и т. д.

На смену этим аборигенам края пришло славяно-русское население. Для колонизационного движения наш край открыт преимущественно в направлении с запада—со стороны Костромы реки, с севера—от верховьев Северной Двины и в обратном направлении—с юга и востока. С запада на восток наш край прорезывает мощная артерия Волги, изменяющая от Юрьевца свое направление с севера на юг. С севера—от водораздела С. Двины в нее текут три больших притока: Кострома, Унжа и Ветлуга. Паутинная сеть их больших и малых притоков, рас-

<sup>1)</sup> В финских языках нет звука ч и в соответствующих случаях он заменяется с: Сухона=Чухона (Шахматов).

положенных приблизительно параллельно течению Волги, дает возможность по незначительным волокам переходить из бассейна Костромы на Немду и Унжу, а с Унжи на Ветлугу. На нагорном берегу Волги нет таких мощных притоков, а мелкие речки, начинаясь даже в 20 в. от берега, текут в Клязьму и Оку. По этим водным дорогам и двигалось русское население, не встречая таких серьезных препятствий, как большие горы, и оседая в глухих дебрях нашего края.

Изучение современных говоров нашего края приводит к выводу, что русское население пришло сюда из разных концов: Чухлома и Солигалич акают, как в Москве или Звенигороде, по Унже и Ветлуге окают, как в Тотьме и Великом Устюге, а Нерехта окает же, но как в Суздале и во Владимире.

Пришлое население стало ставить по рекам рыбные езы (заборы) и бобровые гоны, а в лесах бортовые укожья (пчельники), устраивать соляные варницы, обращать лес под пашню, гнать смолу и деготь и заниматься другими местными кустарными промыслами. Так возникли поселки: Соль Великая и Соль Галичская, Березовец, Дубяны, Пеньки, Жарки, Палома, Дор<sup>1)</sup>, Смольницы, Дегтярево и проч. Под напором пришельцев отсталая мера или исчезла совсем или слилась с ними в местный великорусский тип.

К началу XIII в. русское население в нашем крае настолько заметно, что здесь возникают города (крепости), как опорные пункты колонизационного движения; под 1213 годом впервые упоминается Кострома, а под 1238—Галич. Вскоре в них появляется и княжеская власть: в 1245 г. в кн. Владимирский Ярослав, сын Всеволода Большое

<sup>1)</sup> От слова *драть*; ср. *дёрть*.

Т39618  
Гнездо, отдал Галич в удел четвертому своему сыну Константину, а Кострому девятому („мизинному“) Василию. Так начались самостоятельные княжества: Галичское и Костромское.

Г а л и ч упоминается впервые под 1238 г., годом нашествия Батая, когда татары, взяв Владимир, направились к Городцу и попленили все города „даже до Галича Мерьского“. Мерьским он назван в отличие от Галича на Днестре и потому, что возник среди чудских поселений. Хотя Галич и разорен был татарами, но из того, что он отдан был четвертому из сыновей в кн., видно, что он был заметным по населенности и богатству из уделов Владимирского княжества. Константин Ярославич был первым князем Галичским; после него княжили его дети Давид († 1280) и Василий и внук Федор Васильевич (род. 1310). Иван Данилович Калита московский (1328—1340) примыслил Галич к Москве куплею—неизвестно при каких обстоятельствах, а в своей духовной уже отказал Галичскую своей княгине. Возможно, что галичские князья и после этого жили в Галиче на определенных условиях. Правнук Константина Галичского Димитрий Федорович получил, было, около 1359 г. ярлык на Галич в Орде, но Димитрий Донской силой отнял у него Галич (1363 г.). По духовной Донского († 1389) Галич отдан был в удел второму его сыну Юрию († 1434) в придачу к Звенигороду. После Юрия княжили в Галиче его дети: Василий Косой (1434 г.), Димитрий Красный († 1441 г.) и Димитрий Шемяка († 1453).

Разорив в 1238 г. Галич и обложив оставшееся население данью (выходом) в пользу Золотой Орды, татары, повидимому, больше не заглядывали сюда, и здесь было тихо от них. Поэтому с XIV в. население стало усиленно приливать сюда. Уже в

1332 г. становится известной Соль Галичская, а в начале XV в. г. Унжа. Таким образом за короткое время Галич дошел до верховьев Костромы - реки и из бассейна Костромы перешагнул на Унжу. Застрельщиками движения были подвижники: Авраамий Галичский († 1375), ученик Сергия Радонежского один за другим основал здесь 4 монастыря: Заозерский на берегу Галичского озера, два на реке Виге и один в Чухломе на городце, а Макарий Унженский (1439—1444), уроженец г. Нижнего, придя в г. Галич с Желтых Вод, основал монастырь в 15 верстах ниже г. Унжи. Эти монастыри на глазах их основателей превращались в большие поселки. <sup>1)</sup> Шла и усиленная христианизация населения, которая в то время выражалась в строительстве монастырей и церквей. В роли распространителей христианства были и галичские князья, устроившие в XIV в. Спасский монастырь в Галиче и Воскресенский у Соли Галичской.

Из того, что Галич был отдан Донским второму сыну, видно, что в то время по населенности и богатству он не уступал Москве. В. кн. Василий Дмитриевич усилил еще удел брата Юрия, придав к Галичу Вятку, отнятую в 1448 г. в. кн. Василием Васильевичем. К Галичу, видимо, потянула и Двинская волость из земель Великого Новгорода, добровольно отдавшаяся Москве, что и вызвало после набега на Галич ватаги новгородских ушкуйников (1393 г.), поход новгородцев на Галич: поклявшись „умереть за правду“, новгородцы в количестве 3000 под предводительством посадника Тимофея Юрьевича опустошили Галичские волости и добились возвращения Двинской волости (1398). Последующие

---

<sup>1)</sup> Известны и другие колонизаторы края: Александр Вочский, Григорий Пельшемский, Павел Комельский.

события в Галиче подтверждают факт его большой населенности в это время.

Когда в 1425 г. митрополит Фотий прибыл в Галич помирить Юрия с племянником Василием Васильевичем, Юрий выстроил в Галиче по горе людей „многое множество“, и митрополит должен был признаться, что никогда не видал столько народа „во овчих шерстех“ (в сермягах). Только населенность и богатство Галича позволили Юрию и Юрьевичам выдержать продолжительную (1425--1453) борьбу с в. кн. Василием Васильевичем за великое княжение. Борьба эта отличалась необычайной ожесточенностью: сначала Василий Васильевич „выбрал очи“ В. Косому, а затем Д. Шемяка ослепил Василия Темного. В этой борьбе Галичские князья не раз были победителями: так, в 1433 г. Юрьевичи разбили на р. Кусяи рать Юрия Патрикеевича, а самого воеводу взяли в плен. Не раз сажались они и на великое княжение. Галич в это время был сильной крепостью: взявши и сожегши Галич в 1434 г., Василий Темный в 1450 г. в сущности вошел в ворота, добровольно отворенные великому князю галичанами. Если Галичские князья не остались победителями в этой борьбе, то не по бессилию: они бы и сторонниками старых удельных порядков с их г. яжескими usabilityами в то время, как жизнь выдвинула уже Москву в качестве собирательного центра с.-в. Руси, и удельный строй переходил в строй государственный под властью Московских князей. Много значили также и личные качества Галичских князей: их хитрость, вероломство и кривосудие („Шемякин суд“), отталкивавшие от них бояр и население в то время, как Василий Темный встречал симпатию даже среди татар.

Однако, население искусственно скучивалось в Галиче в XIV и XV в.в.: в Ветлужских лесах за

Унжей появляется в это время сильный враг русского колонизационного движения на восток — луговая черемиса, сдвинутая со своих насиженных мест по Оке мордвою. Под 1372 г. местный летописец уже отмечает нападение черемис на Соль Галицкую. Вероятно, этими набегами был вызван поход Юрия Дмитриевича в 1396 г.: один, без помощи московского в. кн., Юрий ходил в Казань и Камскую Болгарию, громил там три месяца и с богатой добычей возвратился в Галич. Положение стало серьезнее, когда выходец из Золотой Орды Улу-Махмет перенес Казань в устье реки Казанки и об'единил под ее властью чуваш, черемис, мордву и вотяков. Дороги за Унжу были теперь крепко заперты. В 1427 г. Галич выдержал четырехнедельную осаду казанских татар и черемис, при чем князь Юрий малодушно бежал, а в 1429 г. они повсевали волости галичские. С тех пор местные летописи начинают пестреть заметками о набегах татар, луговой черемисы и мордвы осенней. После смерти Д. Ю. Шемяки, отравленного в Великом Новгороде и присоединения Галича к Москве, Москве досталась борьба с Казанью, начатая галичскими князьями.

Кострома впервые упоминается под 1213 г., когда Константин Всеволодович Ростовский (Мудрый) сжег ее, а жителей увел в плен. Название „Кострома“ явно звучит по-чудски и значит „сторона, подверженная ветрам“ (Веске). Такое название особенно приложимо к местности в нижнем плесе реки Костромы, отличающейся болотистостью и безлесностью, многочисленными речками и озерами и напоминающей центры мери: озера Ростовское и Переславское. Прямых известий о разгроме Костромы татарами в 1238 г. нет. Устроив г. Кострому, в. кн. Ярослав Всеволодович отдал ее в удел девятому своему сыну Василию (Квашне) род. 1241 г.) Из



того, что Кострома была отдана последнему из сыновей в. кн. видно, что в XIII в. она была самым незначительным из уделов Владимирского княжества. Василий Ярославич прибыл в Кострому в раннем возрасте: с его именем связано происхождение Федоровской иконы (1259—1263), здесь он венчался в 1266 году. Дождавшись смерти старших братьев, Василий Ярославич сам стал в. князем, но не уехал из Костромы, и до его смерти Кострома короткое время была центром великого княжения (1272—1277). Василий Ярославич и похоронен был в Костроме. События его княжения характеризуют его, как князя набожного и доброго. По смерти В. Ярославича Кострома вместе с ярлыком на великое княжение последовательно переходила к Твери, Переславлю (Залесскому), пока не осталась в руках Москвы. Из мелких удельных князей здесь известны еще Иван Дмитриевич (1293 г.) и Андрей Борисович († 1303). Таким образом, способ промысла Костромы московскими князьями был другой, чем в Галиче.

Но и купля была в силе: И. Д. Калита завещает по духовной „сельцо, что есми купил на Костроме“ (Селище), Д. Донской Иледам (оз. Идоломское) и Комелу, а Василий Дмитриевич († 1425), кроме того, и Обнару с Волсчком.

В противоположность Галичу татары в XIII и XIV в.в. часто посещали Кострому, стоявшую на большой дороге по Волге. Раньше Галича Кострома узнала также и усобицы князей за великое княжение. Татары приходили сюда то для мелкого грабежа, то их приводили с собой князья, ссорясь между собою; приходили они и с мирными намерениями. С именем Василия Ярославича связана победа над татарами при озере Святом; в память этого стоит часовня. В. Ярославич ездил в Орду на поклон к хану (1275). В 1317 г. Юрий Данило-

вич Московский, споря с Михаилом Тверским за великое княжение, привел в Кострому рать и ханского посла Кавгадия: князья долго стояли с ратями на обоих берегах Волги друг против друга и помирились: Михаил уступил великое княжение Юрию. В следующем году приходил в Кострому ханский посол Конча и убил здесь 120 человек за преданность Твери. Около 1330 г. татарский мурза Чет по дороге на службу к Московскому князю, разбил палатку в Костроме, на стрелке; получив затем в Костроме вотчины от в. кн. и крестившись, Чет основал Ипатьевский монастырь на месте своей стоянки. В 1360 г. в Костроме был съезд князей по поводу нападения русских разбойников на г. Жукотин в устьи Камы; на нем был ханский посол. Дмитрий Донской с семьей бежал в Кострому от Тохтамыша (1382 г.), а вскоре его примеру последовал и Василий Дмитриевич, спасаясь от Эдигея (1408 г.). Для надежной защиты от татар он срубил в следующем году г. Плесо на Волге, заградив ее течением каменными грядами, а после пожара 1413 г., испепелившего Кострому, вновь ее укрепил (1416 г.)

Колонизационное движение Москвы в Заволжье столкнуло ее с В. Новгородом и сопровождалось набегами новгородцев и на Кострому: в 1375 г. ватага новгородцев подплыла к Костроме на 70 ушкуях (лодках) и, военной хитростью обратив в бегство воеводу Плещея, целую неделю грабила Кострому; чего нельзя было взять, то было пометано в Волгу.

По территориальной близости Галича и Костромы, последняя усобица за великое княжение между Галичем и Москвой не могла не коснуться Костромы. Здесь последовательно скрывались В. Косой и Шемяка (1432 г.), затем Василий Темный (1434 г.) и опять В. Косой. В 1435 г. рати В. Косого и В. Темного стояли друг против друга в устьи Ко-

стромы реки, а в 1449 г. Шемяка подступал к Костроме, но был отбит воеводами в. кн.

Казанские татары, опустошив Галич, вслед затем направлялись к Костроме, чтобы спуститься отсюда к Юрьевцу и Нижнему. Известны их нападения 1428 и 1429 г.

При таком территориальном положении и беспокойной жизни Кострома не могла развивать так энергично крестьянское колонизационное движение, как Галич. Дойдя до Вексы и Ноли по Костроме реке, Кострома на восток едва ли продвинулась дальше Куси и Немды <sup>1)</sup> Отличительной особенностью колонизации в Костроме было, что население приходило сюда и со стороны Клязьмы: так в Нерехту пришел Пахомий из Владимира и основал Сыпанов монастырь († 1384 г.) Распространение христианства в Костроме начато еще Ярославом Всеволодовичем, построившим в честь своего имени собор Ф. Стратилата <sup>2)</sup>; при Василии Ярославиче в Костроме появилась и своя икона—Федоровская; в пожар 1413 г. в Костроме сгорело уже до 30 церквей—очевидно, деревянных.

В XV и XVI в.в. казанские татары с черемисой и мордвой не переставали нападать на Галич и Кострому. Известны их набеги на Галич 1467 г., на Унжу 1522 г., на Солигалич 1532, на Галич 1535, на Судай 1538 г., на Кострому 1539 г., на Галичскую волость 1540 г. Для наказания их снаряжались военные экспедиции: так в 1467 г. 6 декабря князь Семен Романович, а с ним много детей боярских, пошли из Галича в землю черемисскую „лесы, без

<sup>1)</sup> Кусь, как граница между Галичем и Костромой, сохранилась в народной памяти: „с Куси—не нашей Руси“, говорят в Галиче.

<sup>2)</sup> Ср. Дмитриевский собор во Владимире, построенный Всеволодом Б. Гнездо.

пути“ в сильную стужу. Через месяц на крещение они добрались до черемис, много их иссекли, полонили и сожгли, коней и скот иссекли, а имущество взяли. Только на один день пути не дошли они до Казани и возвратились в Москву. В следующем году поход был повторен, но безрезультатно.

Для защиты от частых набегов ставились новые города. Еще при Галичских князьях возникли Солигалич и Унжа. Шемяка во время борьбы с В. Темным укрепил Чухлому. В 1536 г. поставлен г. Судай на Иде, а в 1542 г. перенесен на р. Вигу в Жеговскую волость; в 1536 г. поставлены Любим на Кореге и Буй на Вексе, а в 1546 г. Кадый на Вотгати (приток Немды.) Прилегающие к ним волости назывались их „осадами“. <sup>1)</sup> Такого же происхождения, вероятно, Парфеньев, Кологрив и Судиславль, так как они также имели свои осады. Галич, т. о., был окружен кольцом из городов—форпостов, которые затрудняли подход к нему, защищая в то же время Кострому со стороны Галича. В осадах устраивались, вероятно, засеки, что видно из наименования одной волости Осецкой; в засеки же, напр. Жилинскую, убежали в 1609 г. Солигаличане. При приближении татар население скрывалось и отсиживалось в городах. Благодаря таким мерам татарам не так легко обходились их набегу. В 1536 г., стоя на заставе, князь Петр Засекин, не дождавшись людей, вступил в стычку с татарами, шедшими на костромские места, но был убит; татары, узнав, что на встречу идут большие воеводы, отошли назад. В 1539 г. князь Мстиславский и Шиг-Алей разбили татар, напавших на Кострому, и про-

---

<sup>1)</sup> „Осада“ по значению, повидимому, то же, что и „город“: город, град, гард— ср. немецк. Harten, латинск. hortus (сад) и пр.

1549  
гнали, а в следующем году Костромской воевода Яковлев, не дождавшись ратей в. кн., на голову разбил их на Гусевом поле на р. Язовке, убив их богатыря-Арака. Только взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. положило конец этой кровавой борьбе, но и после этого по старой привычке татары и черемисы сделали набег на Солигалич (1557 г.), а в 1572 г. нужно было предпринимать для их обуздания судовую рать по Волге.

В конце XVI в. Галич и Кострома освободились от беспрестанной черемисской войны. Теперь открылся свободный путь для колонизации лесных пространств за Унжей, которая и идет в XVII столетии. Так, Макарьево-Унженский монастырь колонизирует места по р. Какше при игумене Панфутии (1659—1660), что вызвало острое столкновение с черемисой. Но это колонизация началась сравнительно поздно. К тому же взятие Казани открыло плодородные места по средней и нижней Волге, и население предпочитало „бежать“ из Галича в Козьмодемьянский или Алатырский уезды на Суру. Вот почему места за Унжей и по Ветлуге остались менее населенными, и до нашего времени там уцелела черемиса <sup>1)</sup>).

После падения Галича, Галич и Кострома прочно вошли в состав Московского государства, в котором образовали уезды Галичский и Костромской. Первый делился на осады: Солигаличскую (Усольскую), Чухломскую, Судайскую, Парфеньевскую, Кологривскую и Унженскую; в последнюю входили огромные лесные пространства за Унжей. Второй разделялся на Любимскую, Буйскую, Су-

<sup>1)</sup> На картах сравнительной заселенности 1724, 1858 и даже 1897 г. район водораздела Унжи и Ветлуги обозначается белым пятном.

диславскую и Кадыйскую осады. Такого административного деления не было в других уездах московского государства. В центре каждой осады был город (крепость). Галич и Кострома не имели своих особых осад. Уезды разделялись на станы и волости, при чем заметно, что станы были ближе к городу, а волости — к пригородам. Для управления Галичем в Москве был приказ Галичской Чети, куда входили также Звенигород и др. города Галичского княжества, а для управления Костромой — Костромской Чети, куда входили Переславль-Залесский и др. города Переславского княжества. На местах управление было в руках в-княжеских наместников и их тиунов (чиновников), но были сильны еще вечевые традиции, особенно в черных волостях. Иван Грозный закрепил эти традиции, введя земское самоуправление, заменив наместников выборными губными старостами для волостей и земскими старостами для посадов. Для обороны городов оставались городовые прикащики, а с XVII в. — воеводы. Самоуправление приучило население к организации, самодеятельности и пониманию государственных задач <sup>1)</sup>.

В смутное время сказалась вся сила земского самоуправления. В 1608 г., когда образовались два правительства: Василия Шуйского в Москве и Вора в Тушине, галичане составили ополчение по 100 человек „с сохи“ против Тушина. Такое боль-

---

<sup>1)</sup> В церковном отношении Галич и Кострома были непосредственно подчинены митрополитам, а с конца XVI в. — патриархам, которые собирали с церквей дань. Известен патриарший домовый монастырь в с. Унороже на Окуруже в Галиче, который был укреплен. Галич составлял Галичскую, а Кострома — Костромскую десятины жилых и данных церквей. В городах были десятильничьи дворы, где сидели старосты поповские.

шое количество людей с сохи говорит о населенности и богатстве Галича. В тылу они опирались на Тотму, В. Устюг и вообще восточное Поморье. У них был и „огненный наряд“ (пушки). Из Галича ополчение двинулось к Костроме, которая отложилась от Вора и присоединилась к нему. Отсюда ополчение двинулось к Ярославлю, под которым и произошла битва с тушинцами. С самого начала посадские и тяглые люди в Галиче сделали ошибку, включив в ополчение и служилых людей, не сочувствовавших борьбе против Тушина и боявшихся за судьбу своих поместий; в Костроме число служилых людей прибавилось. Под Ярославлем дети боярские изменили ополчению и стали отнимать у галичан наряд. Битва была проиграна, ополчение побежало к Костроме, пометав по дорожке „коши и запасы“ и отбиваясь от детей боярских, отнимавших наряд второй раз. На плечах отступавших в Кострому в декабре ворвался пан Лисовский, взял город, многих галичан побил, а также верных Шуйскому монахов Воздвиженского и Богоявленского монастырей; имущество последнего было разграблено. Затем поляки и служилые люди под начальством Вельяминова укрепились в каменных стенах Ипатьевского монастыря, стоявшего за Тушино. Вслед затем и Галич был выжжен Лисовским, отнявшим военные запасы, а Солигалич уцелел, дав окуп (контрибуцию) в 250 р. Остатки ополчения разбежались по лесным засекам, пометав свое имущество, которое разграбили дети боярские. Когда Лисовский ушел к Костроме, галичане вылезли из засек и собрали новое ополчение по 20 человек с сохи.

18 февраля к галичанам пришли новые рати из В. Устюга, Тотмы, Сольвычегодска, Перми, Кайгорода и Выми с большим огненным нарядом. Со-

единясь с ними, галичане двинулись к Костроме, но на этот раз пометали детей боярских по тюрьмам. На помощь им В. Шуйский послал опытного воеводу Давида Жеребцова с нарядом, и с мая началась правильная осада Ипатьевского монастыря, затянувшаяся на 5 месяцев: вокруг него были вырыты две линии рвов, из которых происходила стрельба. Лисовский пришел на выручку Вельяминову, но не мог переправиться через Волгу у села Селищ, а при попытке переправиться у Решмы был разбит низовым ополчением Шереметева. Лисовский ушел к Сергиеву монастырю и по дороге сжег Нерехту, а Вельяминов был выбит из Ипатьевского монастыря, и его рать побита и потоплена в Святом озере. <sup>1)</sup>Отстояв свои места от „воров“, ополчение готово было идти „по вестям на сход“, и осенью 1609 г. соединилось в г. Калязине со Скопиным, который начал его обучать приемам регулярного боя. В Александровой Слободе произошло соединение Скопина с низовой ратью Шереметева, но соединенной рати Поморья и Низа не удалось спасти В. Шуйского. Скопин погиб загадочной смертью, а В. Шуйский был пострижен, став жертвой общественного недовольства.

По грамотам Гермогена против кандидатуры польского королевича Владислава, из Галича в 1611 году, явился под Москву П. И. Мансуров „с галичскими людьми“, а из Костромы Волконский „с костромскими людьми“ и вошли в состав ополчения Прокопия Ляпунова. Ополчение 1611 г. кончилось ничем: из-за несогласий с казаками „все разыдоса“.

В 1612 г. Кострома примкнула к нижегородскому ополчению Пожарского, который шел по пра-

---

<sup>1)</sup> В память этого стоит другая часовня на озере.



вому берегу Волги к Ярославлю. В Костроме, между прочим, Пожарский сместил воеводу Шереметева, сторонника Владислава, и назначил Гагарина. После взятия Китай-города и сдачи кремля в октябре 1612 г. Кострома 14 марта 1613 г. видела посольство Земского собора в Ипатьевский монастырь, где недавно было гнездо тушинцев, для приглашения на царство Михаила Романова, избранного голосами казаков.

Шайки поляков и казаков и после этого продолжали бродить по нашему краю. В 1613 г. от них пострадали Любим, Буй и Солигалич, а в 1619 году ими выжжен посад в Галиче. Многие деревни в Галичском уезде по отметкам писцовых книг также запустели от них. Вот почему в течении XVII в. Кострома продолжает укрепляться. В 1619 году напуганные посадские люди в Костроме обнесли кремль „новым городом“. С 1618 г. начинаются „городовые поделки“ в Ипатьевском монастыре: стены его были подвышены, а к реке Игуменке в 1642—45 г.г. возведен новый каменный город с башнями и боями. В то же время обносится каменной стеной с башнями и боями и Богоявленский монастырь. После пожара 1654 г. кремль в Костроме устраивается заново. Восстанавливаются в XVII в. укрепления и Галича с его пригородами.

Последствием смуты для Галича было то, что все лучшие люди и гости в посаде, руководители движения 1608—1609 г.г., какие остались в живых, были взяты в гостинную и суконную сотни в Москву, а черные волости в Судае, Парфеньеве, Кологриве и Унже были розданы после 1618 г. в поместья служилым немцам и иноземцам „за осадное сиденье королевичева приходу.“<sup>1)</sup> Так началось

1) Тогда же и предок М. Ю. Лермонтова шотландец Юшка Лермант получил поместья в Заболотской волости.

крепостное право и в тех волостях Галичского уезда, где зачатков его до смуты не было.

С XVII в. Галич и Кострома утратили свое военное значение и стали преимущественно торговыми промышленными центрами. Еще в 1584 г. начался торг с англичанами через Архангельск, а с 1618 г. началась торговля и с голландцами. Галич, связанный с восточным Поморьем через Тотьму и В. Устюг, стал извлекать выгоды из своего географического положения на кратчайшем волоке между С. Двиной и Волгой и еще в XVI в. славился мехами (белками и горностаями), а Кострома, будучи пристанью Галича на Волге, кроме того, торговала еще с „Низом“ (Нижи́м-Новгородом). Начался расцвет Галича и Костромы, опиравшийся на населенность и богатство их уездов. В 1572 г. Иван Грозный отдал Галич с пригородами старшему сыну Ивану, а Кострому младшему Федору, но в XVII в. роли начинают переменяться, и Кострома становится более крупным центром.

По писцовой книге 1632 г. Галичский посад представляет печальную картину города, разоренного Лисовским в 1609 г. и вторично в 1619 г. На посаде всего 667 дворов, из них 95 нетяглых, 38 молодых людей, 192 бобыльских и худых дворов, а всего 230 тяглых дворов, 131 двор нищих, которые кормятся от найму и „меж двор“, да 211 дворов пустых, жильцы которых разошлись безвестно от долгов и бедности; кроме того, 47 пустых дворовых и огородных мест. Из 239 торговых мест 46 пустых. Лучшие люди в посаде или померли или взяты к Москве. Была воскобойная, но ее не оказалось, было 9 кузниц, но ни одной не было на лицо.

В середине XVII в. в Галиче уже 729 тяглых дворов, а людей в них 1755 человек. В Солигали-

че 339 дворов и 780 человек. Другие пригороды Галича были малы: ни один не имел даже сотни дворов. В Галичском уезде во второй половине XVII в. было 31.204 тяглых двора, и он был пятым по плотности населения в государстве из 128 сочтенных уездов.

В Костроме на посаде по дозору 1614 г. 312 дворов. По писцовой книге 1628 г. в ней уже 1634 двора, из них 12 лутчих, 41 середних, 74 молодчих, 509 худых, всего 637 тяглых дворов, а людей в них 853 человека; добре худых 824 двора, 75 мест дворовых, 105 нетяглых дворов да 68 дворишков и келей; 739 торговых мест, из них 489 лавок. Кроме того, 85 кузниц. По переписным книгам 1646 г. на посаде в Костроме 1726 дворов, а вскоре и 2086 дворов. Это очень крупная цифра: Кострома в середине XVII в. — четвертый по значению посад всей страны. Во второй половине XVII в. Костромской уезд занимал первое место по населенности в государстве (40.122 двора).

Из промыслов в Костроме всего более развиты в 1628 г. кожевенный, кузнечный и разные виды текстильных; из более тонких иконописный и серебряный. Из-за моря шли венецкая камка, немецкая бархател, аглицкое сукно и др. ткани, немецкое железо, голландские колокола и паникадила и пр. С „низом“ Кострома торговала укладом (сталью), скородами, гвоздями и др. железными товарами. К середине XVII в. здесь развилось кирпичное дело, а с ним архитектура и живопись. С половины XVII в. Кострома быстро падает, посадское население убывает; промыслы его становятся бедны и грубы, торговли, вероятно, нет.

В XVII в. крестьянское население края без конца платит разные подати и несет повинности вроде ямской или городского и острожного дела.

Крестьяне платят и оброк помещикам; последние только наезжают в вотчины, оставляя крестьянское самоуправление со старостами и схожими избами.

Разиновское движение в 1671 г. не приняло в крае широких размеров, хотя попытки поднять крестьян Галичского уезда были. Сподвижник Разина Илюшка Иванов пошел к Галичу тем же путем, каким раньше ходила черемиса; пограбив по Ветлуге и Унже, он двинулся к Макарьеву монастырю. Игумен Никита доносил о его движениях в Юрьевец и Галич, и воевода Нарбеков разбил его прежде, чем он успел добраться до монастыря. В Галиче „против воровских людей Илюшки с товарищи“ в 1671 г. было „свинцу издержано сеченых пуль пять гривенок“ (фунтов). Илюшка Иванов Пономарев в составе 400 чел. конных и 300 пеших с 5 пестрядинными знаменами направился к Судаю. Старшиною у него был черемисский пристав Миронко Мумарин, а есаулом Митька Куварна. Илюшка с 9 людьми на подводах отправился к Тотме „для подзору и проводывания про ратных людей и ружья“, но был задержан воеводой Ртищевым; он сказался купцом, но богатый кафтан выдал его. Миронко Мумарин был изловлен в Устюге и отведен в Москву.

Зато другое движение XVII в. — раскол нашло богатую почву в Костромском уезде и дало такие фигуры в истории раскола и сектантства, как костромской протопоп Даниил; основатель беспоповщины старец Капитон, крестьянин с. Даниловского; основатель толка „дьяконовцев“ Александр, посадский человек из Нерехты (1674 — 1720), и основатель секты хлыстов Данило Филипов († 1700 г.), крестьянин Юрьевецкого у., но учивший в д. Старое и в Костроме и умерший в д. Криушино. В качестве борца с расколом с 1708 г. выдвинулся

Питирим, основатель Белбажского монастыря, впоследствии архиепископ Нижегородский. Преследования раскола значительно способствовали заселению лесных дебрей по Керженцу и Ветлуге.

В 1708—1719 г.г., при разделении России на губернии, Галич, как тяготевший к Поморью, вошел в Архангелогородскую губернию, в составе которой образовал Галичскую провинцию, а Кострома — к Московской, образовав в ней Костромскую провинцию. Деление на осады сохранилось и в XVIII в. до 1778 г. Земскому самоуправлению в черных волостях при этом нанесен был удар, и только в вотчинах прозябали схожие избы с бурми-страми во главе.

Во время Великой Северной войны Галич вместе с Поморьем был житницей, откуда черпались средства и люди, и к концу ее, в связи с перенесением недородом, совершенно был разорен. Население бежало от платежей и повинностей „в татары и башкиры, а иные на польской рубеж“, т. ч. в течение нескольких лет после 1725 г. Галич не поставлял рекрутов. Сельское хозяйство было восстановлено к середине XVIII в., но не получило прежнего значения. С 1740-х г.г. начинают развиваться в Галиче отхожие промыслы, имея корни в XVII в., когда правительство требовало людей на „городовое и острожное дело“, а помещики в подражание ему вызывали крестьян к себе в подмосковные для земляных и плотничных работ. Галичане приобрели славу лучших плотников в мире. / Теперь галичане стали ходить в Москву, Калугу и др. города, а впоследствии в С.-Петербург, для денежного заработка, чтоб отбыть помещичий оброк. Пашни в уезде стали превращаться в пустоши и зарастать лесом, а техника хозяйства застыла на уровне XVII в. до наших дней (трехполье и косуля). В опи-

сании Костромского наместничества 1792 г. указано на отход, как на главную причину сокращения пашни и заростания полей. <sup>1)</sup>

Изменение направления внешней торговли России с Архангельска на С.-Петербург больно ударило Галичскую провинцию, хотя путь по С. Двине забыт был не сразу, и еще в XVIII в. через В.-Устюжских купцов сплавлились к Архангельску лес, произведения лесных промыслов: тес, деготь, смола, лапти, лубья, рогожи и пр., а также сало, коровье и льняное масло, кожи сырые и выделанные. Из Архангельска привозились виноградные вина. В конце XVIII в. в Чухломе славился еще торговый дом Юдиных и Симановских, скопивших капиталы на торговле с англичанами через Архангельск.

Кострома меньше пострадала от изменения направления внешней торговли, так как она через Волгу была связана и с СПб и сохранила связь с каспийскими рынками. И здесь население уходило для промыслов „в российские столицы и разные наместничества“ и „для отправления судоходства по р. Волге“. Но здесь начала развиваться и промышленность. Из промыслов XVII в. наиболее прочным оказался текстильный. Первая полотняная фабрика была открыта в Костроме Угличаниновым на 500 станок в 1749 г.; затем здесь стали открываться

<sup>1)</sup> „Проезжая наместничество, весьма много найдешь полей оставленных, заросших лесом и кустарниками. Какая бы тому причина? Она тотчас сама собою открывается, когда увидим наилучших в губернии работников, пренебрегающих не весьма щедрую землю свою и расходящихся по столицам и др. российским городам искать лучшего пособия в платежи податей своих от городских работ и рукоделий, нежели от бедной сохи. Поле от сего остается необделанным, а помещик, наложив на крестьянина двойной оброк, более о том не беспокоится“. „Костр. Губ. Вед.“ 1859, № 15.

и др. фабрики. В Нерехте также возникла фабрика Пастухова. Возникли также красочные фабрики и „для дела лазори“, связанные с текстильным промыслом.

В XVIII в. Кострома славилась фландрскими полотнами, коломенками и равендуками, которыми торговала с англичанами через СПб. Вот почему Кострома не пришла в XVIII в. в такой упадок, как Галич. На соборе 1681 г. решено было устроить в Галиче епископию для Галича и Костромы, но это решение осталось без исполнения; в 1744 г. последовал указ об учреждении епархии в Галиче, но вскоре был изменен в пользу Костромы: так изменилось экономическое значение Галича в сравнении с Костромой! Продолжая обстраиваться и в XVIII в. каменными зданиями, Кострома становится и культурно-просветительным центром: в 1722 г. здесь учреждается цифирная школа, а в 1747 г. — духовная семинария. Во время путешествия Екатерины в 1767 г. местное дворянство и купечество устроили ей пышную встречу, показав себя во всем блеске.

Пугачевское движение не докатилось до Костромского края. Однако против него были приняты меры: при первом известии о движении Пугачева, об'явившего себя Петром III, костромской епископ Дамаскин обратился с воззванием, в котором сообщал, что он присутствовал лично на погребении Петра III, и предостерегал от самозванца. В 1774 г., по получении вестей о движении пугачевцев вверх по Волге, епископ Симон 1 августа говорил речь народу во время хода „на воду“ и также разослал окружное послание. По распоряжению воеводы И. Д. Арсеньева и предводителя Р. Г. Зюзина, Костромской уезд был разделен на 8 частей; в каждой части набран „корпус“, в который вошла 20-ая часть по ревизии; из дворянства были определены командиры; 4 кор-

пуса было в нагорной и 4 в луговой половине уездн. „На опасный случай“ в городах Галичской провинции, напр. в Судае, были усилены обычные запасы пороху и свинца.

При новом разделении России на губернии в 1778 г., в Костроме открыто наместничество, переименованное в 1797 г. в губернию. Теперь не возникло даже вопроса, где быть губернскому центру: в Костроме или в Галиче, и последний со всеми своими пригородами присоединен был к Костроме. К Костроме же отошли Юрьевец от Нижнего, Лух от Владимира и Кинешма от Ярославля, которые в прошлом были более связаны с городами Клязьмы и Оки, чем с Костромой. Из городов Галичской и Костромской провинций были закрыты: Судай, Парфеньев, Унжа, Судиславль, Кадый и Плес. Кологрив перенесен из с. Архангельского в с. Кичино. Вместо Унжи уездным городом стал Макарьев из монастырской слободы Макарьева монастыря. На Ветлуге возникли два новых уездных города: Варнавин из монастырской слободы Варнавиной пустыни, закрытой в 1764 г., и Ветлуга на месте б. д. Шулепникова. Любим и с. Даниловское в начале XIX в. отошли к Ярославлю, а вместо их Костроме даны Б. Соли.

С 1781 г. и до середины XIX в. идет переустройство Костромы и ее уездных городов по новым планам и застройка их правительственными и общественными зданиями.

Учреждение Костромской губернии совпадает с расцветом дворянских привилегий и крепостного права. Руководящий тон в жизни дает дворянство, который воспринимает именитое купечество. Патриотизм дворянства выливается при приеме „особ“, начавшихся с приезда Екатерины, в организации ополчений 1812 и 1854 г. или в открытии памятника



Сусанину 1851 г. и реставрации „келий Михаила“ 1863 г. На крепостном навозе расцветает и дворянская культура: губерния пестрит „дворянскими гнездами“ из зданий в модном стиле ампир с парками, беседками и прудами; в усадьбах собираются богатые библиотеки и картинные галереи. Города постепенно становятся культурно-просветительными центрами: в 1786 г. в Костроме открыто „главное народное училище“, в 1804 г. мужская гимназия, в 1857 г. „губернское училище для девиц“ (Григоровская гимназия), при Губернском Правлении устраивается губернская типография, из которой с 1838 г. выходит первая местная газета — „Костромские губернские ведомости“. В 1863 г. в Костроме открывается театр.

В 1792 г. в Костромской губ. было 6 народных училищ с 320 учащимися и 4 духовных с 400 учащимися. В 1805 г. открывается уездное училище в Костроме, а в 1815 г. и в уездных городах, в 1814 и 1824 г. — приходские училища

Дворянство к середине XIX в. постепенно, однако, теряет под собой почву, уступая место нарождающейся буржуазии: развивается отхожий промысел<sup>1)</sup> и пашни зарастают лесом, а в Костроме, Нерехте и Кинешме растут фабрики. В 1792 г. в губернии было полотняных фабрик 22, бумажных 1, суконных 2, кожевенных заводов 16, солодовенных 26, винных 5, стеклянных 2, гончарных 3, колоколенных 1, красочных „для дела лазори“ 3, салотопенных 4, клейных 2, сырейный 1, масляных 9, водяных мельниц 760 и ветряных 1678. В 1852 г. открыт в Костроме механический завод Д. П. Шипова, в 1853 г. льнопрядильная и ткацкая фабрика Брюханова

<sup>1)</sup> Уже в 1792 г. в губернии выбирало паспорта 40.000 отходников.

и Зотова с 3000 веретен и 10 станками и льнопрядильная Михина. По мере освоения чернозема на юге, костромской хлеб не может конкурировать с дешевым южным хлебом, и земля теряет ценность. В 1862 г. дворянство в Костроме легко расстается с нею, чтобы получить выкуп за сравнительно большие наделы, данные крестьянам. Накануне реформы в Костромской г. насчитывалось 4439 имений: всего больше в Галичском у. — 729, всего меньше в Ветлужском — 71. Более  $2\frac{1}{3}$  крестьян было на оброке и не знало барщины. Только 16 имений в Варнавинском, Ветлужском и Нерехтском уездах имели от 8 до 10 тысяч душ, владельцев от 10 до 20 душ насчитывалось 831, а 1—10 душ 1324.

После 1862 г. костромское дворянство быстро распродало свои усадьбы, обеднело и стало в массе либеральным, так как ему нечего было терять. Революция 1917 г., можно сказать, не застала в Костромской г. крупных имений. Во второй половине XIX в. губерния покрывается сетью начальных школ, а возникающие средние учебные заведения удовлетворяют и потребностям буржуазии: в 1873 г. открывается реальное училище в Костроме, а в 1896 г. профессионально-технические училища имени Ф. Д. Чижова. В 1885 г. в Костроме возникает Ученая Архивная Комиссия, которая с 1891 г. устраивает музей. В 1912 г. ее сменяет Костромское Научное Общество по изучению местного края.

В XIX в. из Костромской губернии вышел ряд выдающихся деятелей на ниве русской науки, литературы и искусства. Таковы: Арсеньев К. И. (1789—1871), историк и статистик; Бирюков П. И. (род. 1861), биограф Л. Толстого; Виноградов П. Г. (1854—1926), историк, проф. Оксфордского университета, лорд; Георгиевский С. М. (род. 1851), доктор китайской словесности; Голубинский Е. Е. (1834—

1912), историк, академик; Голубинский Ф. А. (1797—1854), философ, профессор; Голубцов А. П. (1863—1911), археолог; Горский А. В. (1812—1875), историк; Горчаков М. И. (1838—1907), доктор гос. права; Жадовская Ю. В. (1824—1883), поэтесса; Жбанков Д. Н. (род. 1853), врач-общественник; Железнов В. Я., экономист; Казанский П. С. (†1878), историк; Катенин П. А. (1792—1853), поэт и критик; Колюпанов Н. П. (1827—1894), журналист; Лугинин В. Ф. (род. 1834), профессор-термохимик; Максимов С. В. (род. 1831), писатель-этнограф; Михайловский Н. К. (1842—1904), писатель; Нарбеков В. А. (род. 1862), археолог; Невельской Г. И. (1813—1876), путешественник; Озеров И. Х. (род. 1869), финансист; Окатов М. Ф. (род. 1829), проф. механики; Островский А. Н. (1823—1886), писатель; Петров Н. И. (род. 1840), историк литературы; Писемский А. Ф. (1820—1881), писатель; Плещеев А. Н. (1825—1893), поэт; Петров (род. 1823), крестьянин, феноменальный счетчик; Покровский Н. В. (род. 1848), археолог; Порфирий (Успенский 1864—1885), археолог; Потехин А. Н. (род. 1829), писатель; Розанов В. В. (род. 1856), писатель; Рылеев К. Ф. (1795—1826), поэт-декабрист; Свинын П. П. (1788—1839), журналист; Сергей (Спасский †1904), археолог; Серяков Л. А. (1824—81), гравер; Сорокин Е. С. (1823—1892), академик живописи; Сухонин П. П. (1821—1884), писатель; Сытин И. Д., книгоиздатель; Тихомиров Д. И. (род. 1844), педагог; Тихонов А. А. (род. 1853), писатель; Тихонов В. А. (род. 1857), драматург; Успенский Ф. И. (род. 1845), академик; Чаев Н. А. (род. 1824), драматург; Чижов Ф. В. (1811—1877), проф. математики, писатель; Якушкин И. Д. (1793—1857), декабрист; Якушкин Е. И. (род. 1826), юрист-этнограф; Якушкин В. Е. (род. 1856), историк и

историк литературы; Ястребов Н. И. († 1923), проф. славистики и др. <sup>1)</sup>)

По мере роста промышленности и усиления буржуазии, в Костромской губ. растет и пролетариат. С 1878 г. начинается рабочее движение в крае. 1905 год был временем перелома сознания рабочих и крестьянских масс в губернии. В 1917 г. пролетариат и крестьянство взяли в руки власть в крае.

В 1918 г., при образовании Иваново-Вознесенской губ., Юрьевец, Кинешма и часть Нерехтского уезда отошли к Иванову. В 1923 г. к Иванову же отошел Макарьев, а Варнавин и Ветлуга к Нижнему-Новгороду.

*Ф. Рязановский.*

---

<sup>1)</sup> Из деятелей XVIII в. назовем: Аблесимова А. А. (1742—1783), писателя; Волкова Ф. Г. (1723—1763), основателя русского театра; Гавриила (Бужинского † 1731), протектора школ и типографий; Лихудова И. († 1717) и С. († 1730), ученых греков; Нащокина В. А. (1707—1760), мемуариста; Сумарокова А. П. (1717—1777), писателя и первого директора театров в СПб.

## Памятники искусства и старины.

### Кострома.

История города. В местной литературе распространено предположение, что Кострома первоначально находилась на правом берегу Волги, где Городище. В писцовой книге по г. Костроме 1628 г. Городище выразительно названо „деревней“. Название „Кострома“ — мерянское. Кострома естественно возникла, как стратегический пункт, замыкающий выход из р. Костромы в Волгу. Впервые она упоминается под 1213 г. С 1245 г. Кострома — город удельного княжества.

Княжеская Кострома находилась на левом же берегу Волги, но ближе к Костроме-реке: между Костромой-рекой и протоком Сулой <sup>1)</sup> Как известно, в кн. Ярослав построил в Костроме церковь соборную Ф. Стратилата. По писцовой книге 1628 г. ц. Ф. Стратилата стоит без пения „на Суле — реке у Мшанской улицы“, т. е. близ церкви Богоотцов, где колокол, действительно, вылит „в бывший Федоровский собор“. В этой же части Костромы в 1628 г. показывали древности города начала XVII в.; близ Спасоподвязного монастыря было место церковное пустое, причем посадские люди не могли

<sup>1)</sup> Впадает в Волгу близ сада б. Григоровской гимназии.

уже упомянуть, во имя какого святого была здесь церковь; здесь же были остатки и „старой осыпи“. Показательно, что почти все костромские монастыри в начале XVII в. находились в этой части города, а под сводами Богоявленского монастыря были похоронены князья Боровские. На Нижней Дебри, как показывает название улицы, в XIII и XIV вв. был еще густой лес, а р. Запрудня была местом княжеской охоты. Напротив Костромы уже в начале XIV в. было село Селище, купленное Ив. Калитой, а на противоположном берегу Костромы-реки в 1330 г. возник Ипатьевский монастырь. „Город“ (крепость), устроенный в XIII в. в. кн. Ярославом, состоял, вероятно, из земляной осыпи с деревянным тыном, окруженной водами Волги и Костромы и рвом от Сулы до Костромы. В центре его была церковь Соборная Федора Стратилата со святыней города — иконой Федоровской, где в 1266 г. венчался, а в 1277 г. и похоронен в. кн. Василий Костромской. Из наименования ее „соборной“ видно, что в Костроме в XIII в. были и другие церкви. Там же был, конечно, и княжеский терем. Строения внутри города были деревянные, почему город часто горел. В 1304 г. молния ударила в маковицу ц. Ф. Стратилата, и до вечерни церковь сгорела. К 1320 г. ее уже успели возобновить, так как в этом году в ней венчался Константин Тверской. В 1413 г. „в 30 день июня погоре град Кострома и сгоре церковей 30“, из чего видно, что в начале XV в. она была уже большим городом. В княжеской Костроме много значил князь. Был здесь в 1360 г. и съезд князей по поводу нападения русской вольницы на г. Жукотин. Но, кроме князя и его дружины, было здесь и вече, которое в 1304 году казнило бояр Давида Явидовича, Жеребца и др., пока князья тягались в Орде за великое княжение. Этот княжеский город

грабили в 1375 г. новгородские ушкуйники, в нем в 1382 г. спасался Д. Донской с семьей от Тохтамыша, а в 1408 г. Василий Дмитриевич от Эдигея.

В 1416 г. после пожара, испепелившего город, в. кн. Василий Дмитриевич „заложи град Кострому“, т. е. перенес укрепление на новое место — на тот высокий крутой, где теперь соборы и линия бульваров. После этого места на старой Костроме были розданы монастырям: Ризположенскому (1417 г.), Богоявленскому (после 1425 г.) и др., а перевоз через Кострому реку отдан Ипатьевскому монастырю (1442 г.). Новый город осаждали татары в 1429 г., а в 1448 г. Д. Шемяка, который не мог его взять. В нем находили убежище сначала В. Косой и Д. Шемяка (1432), а затем и в. кн. Василий Васильевич (1434 г.). В 1493 г. весь город был истреблен пожаром в Лазареву субботу и в XV-XVI в. построен заново.

В XVI в. в Костроме возникают каменные здания. В 1558 г. Годуновы строят каменный собор в Ипатьевском монастыре, который обносят каменной же стеной с 5 воротами, башнями и боями, и устраивают в нем каменные келии для братии. В 1559—1563 г. построен собор Богоявленского монастыря. Около того же времени, вероятно, построены каменные соборы Троицы и Успения в Кремле. Костромские каменщики известны уже во времена Грозного, а в 1624 г. дана грамота костромскому кирпичнику Тихону Алексею. В 1565 г. в Кострому были посланы пленные немцы из Юрьева; есть основания думать, что они положили начало ювелирному промыслу в с. Красном, вотчине Годуновых.

Писцовая книга по г. Костроме 1628 г. дает достаточно четкое представление о плане города вскоре после смуты. Он состоял: 1) из „старого города“ или „кремля-города“, 2) нового города, 3) посада и 4) слобод.

Кремль окружен был земляной осыпью, обведенной с 2-х сторон рвом, и спускавшейся к Волге. На осыпи были деревянные стены с башнями и боями. Ворота — Спасскими и Волжскими. Внутри кремля стояли каменные соборы Троицы и Успения и деревянный Воздвиженский монастырь. Здесь же находились воеводский двор, с'езжая, губная и караульная избы, тюрьма, 4 житницы государевы, кузница казенная и колодезь осадный; к Волге спускался тайник. На двух улицах и одном переулке здесь стоял 191 осадный двор, из которых 7 принадлежали монастырям, остальные князьям, боярам, дворянам и детям боярским и служилым немцам. Владельцы дворов не жили в кремле, собирались туда, видимо, только в осадное время, а вместо них жили дворники, среди которых — стрельцы. В кремле был и двор стрелецкого сотника Жабина. Таким образом кремль был военной цитаделью, аристократической частью города, церковным и административным центром.

В 1619 г., напуганные разгромом Галича, посадские люди в Костроме обнесли кремль „новым городом“, начинавшимся на Суле-реке у Анастасиина монастыря и заворачивавшим к церквам Благовещения и Воскресения на площади. Он также состоял из земляной осыпи со рвом перед нею, из деревянных стен с башнями и боями и 4 ворот: предтеченских, николевских, благовещенских и воскресенских. Внутри его были: 2 церкви — Николая и Предтечи; земская изба, куда сходились посадские люди „для земского дела“; 3 двора мирских в Челкове, Стрелине и Суслове переулках, где ставились приказные люди и посланники и таможенные головы; 2 лавки мирских в мясном ряду; таможенная изба, где „держат кабацкое питье“; против нее „сени да анбар на (шести) мирских лавках“, где земские



старосты и целовальники торгуют солью, клад кладут и пищали держат, и важня (весовая) с терезями и весчими гирями; гостиный двор, где „ставятца торговые приезжие люди со всякими товары“, с 2 избами, 4 амбарами и 2 сараями; избушка пищая у николевских ворот, „где пишут площадные подъячие“; кабак государев в Челкове переулке. Перед таможенной была торговая площадь, где „ставятца приезжие торговые“ люди з большими и со всякими товары и з хлебом“. Было также несколько осадных дворов и избушек. Как видно, „новый город“ был центром посадского самоуправления и торговли.

За „новым городом“ начинался посад, раскинувшись по берегу Волги на Дебре до Черной речки, загибаясь подковой вокруг нового города и Богоявленского монастыря и опять спускаясь по берегу Волги до Костромы-реки. Весь посад изрезан был улицами и переулками, из которых интересна „Немецкая, Гатилова тож“. За Воскресенскими воротами был „стан сенных трушников“ и площадка конская, на Волге— „винокурня государева“, садок и ледник, в которых держали рыбу „про государев царев обиход“, баня, мыт и перевоз. Здесь же были десятильничий двор, немецкие тюрьмы и убогий дом. Здесь жило промышленное и торговое посадское население, разделяясь на присуды: наместничий, Воздвиженского, Анастасиина, Богоявленского и Спасозапрудного монастырей. Начинаясь в новом городе, стояли торговые ряды, лавки, амбары, харчевные избушки, государевы кабаки, кузницы. Здесь же было 4 монастыря: Богоявленский, Анастасиин, Вознесенский (в районе Вознесенского пер.) и Спасоподвязный и до 30 деревянных приходских церквей, в том числе несколько шатровых.

За посадом тянулись слободы: Арыкова за Черной речкой, Ямская близ ц. всех святых, Гашеева в

конце Еленинской ул., принадлежавшая Анастасиину монастырю, Полянская — Сергиеву и Пищальная — Богоявленскому монастырю, сходящиеся у общего колодца близ нынешней ц. Сергия, и Кирпичная, принадлежавшая патриарху, близ ц. Власия. За Костромой-рекой были Андреевская слобода Богоявленского монастыря и Ипатьевский монастырь с монастырской слободой. Монастырь представлял из себя каменную крепость, не менее сильную, чем кремль. За Волгой были Никольская патриаршая слобода и Спаская Ипатьевского монастыря. В них жило также промышленное население.

От города, начинаясь на посадской выгонной земле, шли дороги: Даниловская к селу Даниловскому, Сущевка, Вологодская, Галичская и Немецкая.

К середине XVII в. развивается кирпичное и мурамленое дело в слободах. Город укрепляется в 1640-х годах новыми каменными стенами в Ипатьевском и Богоявленском монастырях. Вместо ветхих деревянных воздвигаются каменные церкви, а местные живописцы расписывают их фресками.

После пожара 1654 г. в течение более 10 лет вновь строятся стены и башни кремля и нового города. Любопытно, каким порядком отправлялось в это время „городовое дело“<sup>1)</sup>.

В 1679 г. Кострома опять горела: „оба города .. згорело без остатку, тайничный колодезь обгорел и весь обрушился и землю засыпало“.

Ставши с 1708 — 1719 г. центром Костромской провинции, Кострома в общих чертах сохранила план XVII в. и в 1753 г. По описанию Сумарокова 1776 г. Кострома разделяется на 1) кремль; 2) китай-город; 3) предместье; 4) монастыри и 5) слободы. В 1747 г.

1) Опись документов Большесольской посадской избы под 1664 г.

сюда были переселены татары из г. Романова и образовали Татарскую слободу, в которой в 1776 г. было уже 20 дворов, с населением в 61 душу. После короткого перерыва в петровское время Кострома опять начинает строиться. Воздвигаемые теперь церкви — в стиле петербургского барокко или Людовика XVI; некоторые из них расписываются стеновым письмом. Описание пребывания Екатерины II в Костроме интересно тем, что в это время был еще цел воеводский двор, а с валов кремля и со стен Ипатьевского монастыря палили из пушек. В 1767 г. Екатерина пожаловала Костроме герб с изображением галеры. Пожар 1773 г. опустошил центральную часть города: сгорел деревянный Воздвиженский монастырь, обгорел Успенский собор, древности которого погибли, сгорел и китай-город с 498 лавками, каменным магистратом, 10 каменных и 5 деревянных церквей и 630 обывательских домов. В 1779 г. от нового пожара пострадал Богоявленский монастырь и его район.

В 1781 г., через три года по учреждении Костромского наместничества, подтвержден новый план г. Костромы: в центре Екатеринославская площадь, по которой веером расходятся во все стороны улицы, пересекаемые переулками. По этому плану и идет перестройка города до 1855 г.; сначала строятся соборы, затем общественные и правительственные здания, причем валы кремля и нового города беспощадно срываются, а рвы засыпаются землей. Стиль, в котором строятся эти здания, сначала барокко, а затем емпире (ампир). Из архитекторов, которые принимали участие в его постройках, известны Степан Воротилов из посада Б. Соли, В. Красильников, местный купец — самоучка, архитекторы при Губернском Правлении Метлин и Фурсов; последний был ссыльным немцем.

ственным стройкам подражают помещики и купцы в своих особняках. Даже на местном церковном зодчестве отражается влияние нового стиля в пристройках. Кострома становится городом классицизма, провинциальными Афинами. Пожары 1847 г. и 1887 г. много сгубили зданий конца XVIII и начала XIX в. Тогда же сгорел и Богоявленский м-рь, одно из чудес Костромской архитектуры.

В середине XIX в. чувствуется и в Костроме утомление четкими линиями классицизма; есть попытки возродить пышность барокко. Затем начинаются поиски национального стиля, давшие и Костроме „келии Михаила“. С 1863 года и до революции в Костроме не построено ни одного стильного здания. Художественный вкус у населения утрачивается. Даже в деревне, не имея хороших образцов перед глазами, плотники строят как попало, „во всех стилях“. А создания старого архитектурного таланта искажаются пристройками, разрушаются и исчезают на наших глазах.

В революционные годы начинается эпоха деревянного строительства в Костроме: одна за другой выстраиваются деревянные избушки, разрастаясь в кварталы и грозя новыми опустошительными пожарами.

На город надвигается деревня.

**Соборы.** Успенский собор первоначально был построен в. кн. Василием Костромским не позже 1277 г. Так как тогда кремль находился по Суле реке, то и Успенский собор первоначально находился там же. Возможно, что ц. Успения на Волге указывает его первоначальное местонахождение. На новом месте собор построен после пожара 1413 г. не раньше 1416 г., а вернее после пожара 1493 г., т. е. в самом конце XV в. или в XVI в. Косвенно подтверждается это соображение существованием ря-

дом с ним в 1628 г. другого каменного собора Троицы („и та каменная церковь развалилась“) с приделом Сергия деревянной церковью Петра Алексия и Ионы который, следовательно, не мог быть построен раньше XV—XVI в. Обследование подвалов собора в 1909 г. Михаловским привело к выводу, что здание может быть отнесено даже к началу XVII в.

Успенский собор не раз страдал от пожаров, а после 1773 г. подвергся таким переделкам, что трудно представить его первоначальный вид.

Богоявленский собор построен на месте сгоревшего в 1773 г. Воздвиженского монастыря местным архитектором Степаном Воротиловым. Колокольня в 30 саж. не достроена на один ярус; боевые часы на ней тульской работы бр. Палутиных 1820 г. С нее открывается интересный вид на Кострому и ее окрестности.

Главный памятник в соборах—Федоровская икона, происхождение которой, связанное с именем Василия Ярославича, относят 1259—1263 г., так как в это время была уже ее копия в Городце. Она расчищена в 1919 г. под наблюдением И. Э. Грабаря. На затыли иконы—Параскева Пятница с интересной разделкой одежд.

Ограда собора современна постройке Богоявленского собора; триумфальные ворота воспроизводят деревянные, сооруженные в 1767 г. по случаю приезда Екатерины; из соборных домов один построен в конце XVIII в.

Близ собора—маленький бульвар, с одной стороны, и спуск по горе, с другой—остатки земляной осыпи Костромского кремля; продолжение ее—большой бульвар, близ которого насыпаны рвы.

**Монастыри.** Богоявленский монастырь основан в середине XV в. (1425—1462 г.) Никитой, учеником С. Радонежского. В 1559—1563 г. построен

каменный собор Богоявления при участии князя В. А. Старицкого на высоком подклете о 5 верхах, с четырехгранной колокольной с восьмискатным покрытием. В 1608 г. монастырь держался политической ориентации на В. Шуйского, почему его монахи были избиты, а имущество разграблено; только кое-что удалось разыскать и получить обратно. Описание собора в 1628 г. показывает, что это был настоящий музей др. - русского искусства. Главными вкладчиками в монастырь в XVII в. и XVIII в. были Салтыковы. В 1642—48 г. монастырь был обнесен каменной стеной с башнями и боями. Алексей Михайлович пожаловал монастырю 10 пушек. В 1672 г. собор был расписан стенным письмом, как внутри, так и свне; впрочем фрески были здесь и в 1628 г. В 1760 г. построена церковь Николая в стиле петербургского барокко. В 1779 г. монастырь пострадал от пожара, а в пожар 1847 г. был совершенно испепелен; то, что пощадил огонь, не сохранило людское невежество: с 1853 г. начинается уничтожение монастыря Костромским епископом Леонидом—сначала была разобрана по кирпичу древняя ц. Сретения, а затем взорвана порохом и колокольная XVI в. Древние иконостасы мелкой резьбы и древние иконы были свалены в Салтыковской церкви, сопрели и проданы за бесценок. Уничтожались и стены: так, ломами разбита древняя фреска Вседержителя над воротами в Троицкую улицу, причем один солдат купил за  $1\frac{1}{2}$  р. серебром благословляющую руку. От окончательного уничтожения монастырь спасли волнения населения и личное вмешательство наследника престола. В 1863 году монастырь приписан к Анастасиину монастырю. Игуменья Мария обратила собор в алтарь и обезобразила его безвкусными пристройками; монастырская башня XVII в. была превращена в колокольную;

каменный корпус со сводами в нижнем этаже и сандриками XVII в., сохранившийся в неприкосновенности, был испорчен надстройкой третьего этажа и расширением в сторону Богоявленской улицы; перестроены были и ворота и стены XVII в. После этого монастырь горел еще раз в 1887 г.

Для осмотра в монастыре интересен алтарь и фрески 1672 г., раннейшие и лучшие в Костроме, поновленные в 1860-х г.г. Сафоновым; в подклете — усыпальница с могилами XVII-XVIII в. Салтыковых, Хованской, Кафтыревых и игумена Герасима; башня XVII в., превращенная в колокольню; правая часть корпуса за собором, надстроенная в 1860-х г.г.; у церкви Николая помимо стила — лепные гербы Салтыковых над дверями; в часовнях Смоленской и Николая — фрески, вероятно 1672 же года, сохранившиеся в пожарах 1779, 1847 и 1887 г. и непоновленные; вторая из них была надвратной. У стен местами видны еще контрфорсы (упорки) и следы боев.

Из древнейших икон монастыря уцелела икона Апокалипсис 1559 г., взятая после 1779 г. в кафедральный собор (ныне в музее), и икона Троицы „с бытейскими притчами“ в Третьяковской галерее; остальные древности поступили в 1922 г. в Костромской музей.

Ипатьевский монастырь основан около 1330 г. мурзой Четом, родоначальником Годуновых, и первоначально был деревянный. В 1558 г. Годуновы построили каменный Троицкий собор, затем обнесли монастырь каменной стеной и построили одноэтажные братские келии со слюдяными окнами. В 1608 г. монастырь держался политической ориентации на Тушино. В 1609 г. галичско-устюжское ополчение осаждало здесь Вельяминова, затворившегося в монастыре с тушинцами. С 1618 г. начинаются „го-

родовые поделки“ в пострадавшем монастыре, для которых брали известь по грамоте Михаила в дворцовом селе Красном; стены XVI в. были подвышены, а затем в 1642—45 г. выросла новая линия стен к р. Игуменке с Зеленой и др. башнями. В 1647 г. устроена колокольница на средства от продажи с. Семеновского по духовной А. Н. Годунова. В 1649 г. Троицкий собор, построенный Годуновыми, взлетел на воздух: в подклете его, как в укреплении, хранилось „зелье“ (порох), куда „трапезные ребята“ заронили искру. В 1649—1652 г. собор был отстроен заново, а в 1685 г. расписан фресками костромитином Гурием Никитиным с товарищи, лучшими зографами (живописцами) того времени. В петровское время монастырь переживал эпоху упадка. С 1744 г. он стал местопребыванием епархиальных архиереев. Первые архиереи из „черкас“ (украинцев) очень энергично в нем строили, но не понимая и не ценя русских древностей, много их портили. Тогда, вероятно, подвышен был и братский корпус, где первоначально помещалась семинария, а в 1767 г. останавливалась Екатерина. Перестройка и порча монастырских зданий продолжалась до 1860 гг., когда были устроены ц. Рождества Богородицы, „келлии Михаила“ и архиерейский дом. К 1913 г. произведена реставрация памятников монастыря под руководством Д. В. Милеева, а фрески поновлены обществом взаимопомощи русских художников. Древности монастыря были сосредоточены в музее при „келлиях Михаила“ и в 1919 г. перевезены в Костромской музей.

Под Троицким собором 1649—1652 г. с галлереей и интересным крыльцом—усыпальницы Годуновых, потомков основателя монастыря. При входе из галлерей в собор, обращают внимание входные врата, сохранившиеся от Годуновского собора 1558 г.;



такие же врата и с северной и южной стороны; особенно интересны „волви“ в нижних клеймах врат: Гомер, Евригид, Платон, сивиллы. Иконостас XVIII в. с частями XVII в.; некоторые ярусы икон XVII в. Фрески 1685 г. Интересно резное „царское“ место XVII в. со львами XVI в. и <sup>„Святитель“</sup> святительское с вензелем Екатерины; из других предметов интересны медное голландское паникадило 1657 г. и амбирное начала XIX в.

Колокольня перестроена в 1647 г.

Братский корпус конца XVI в. надстроен в XVIII в. и загибается глаголем, из которого в 1863 г. устроены келии Михаила архитектором Рихтером. В корпусе сохранились местами нерастесанные окна XVI в. и сводчатые потолки в нижнем этаже. В „келлиях“ печи из поливных изразцов XVIII в.

За „келлиями Михаила“—часть неподвышенной стены XVI в. и ворота. Часть монастырской стены к Костроме-реке XVI в. подвышена в середине XVII в.; местами обнажились „бои“ XVI в.; сохранились контрфорсы. Башни, повидимому, испорчены по проектам Тона. К р. Игуменке идет стена XVII в. Особенно интересна Зеленая башня. Не так давно здесь можно было видеть устройство крепостных ворот в старой Костроме—сохранились т. н. „герцы“—деревянная решетка, поднимавшаяся и опускавшаяся сверху на блоках. Валялись и „затинные пищали“ для нижних боев.

Приходские церкви. ц. Троицы 1645—1650 г.г.

Ц. Воскресения на Дебре 1652 г. Построена „лутчим человеком“ К. Г. Исаковым.

Древняя колокольня сломана в 1801 г. Церковь на высоком подклете с галлереею и папертями. Раскрашена в шахматы; наружные стены испещрены украшениями. В паперти кафели XVII в. с изобра-

жением зверей и птиц. В галлерее сохранилась часть фресок XVII в. Иконостас 1853 г. с иконами XVII в.; любопытна икона Николая XVII в. на столпе. В приделе Екатерины врата XVI-XVII в. с медной басмой. В приделе трех святителей резной иконостас XVII в. с резными вратами.

Ц. Вознесения 1659 г.

Ц. Спаса за Волгой 1685 г. Фрески 1687 г.

Ц. И. Богослова за р. Костромой 1681 г. Росписи 1735 г.

Ц. Рождества на Суле 1692 г.

Ц. Сергия 1742 г. Росписи-лубки XVIII в. с видами Сергиева монастыря.

Ц. Спаса на Запрудне 1754 г. на месте упраздненного в 1764 г. монастыря. Икона Спаса XV-XVI в., расчищенная И. С. Остроуховым.

Площадь. В XVII в. на месте площади стоял „новый город“, обнесенный земляным валом со стенами и рвом.

В XVIII в. он назывался „китай-город“. После пожара 1773 г., истребившего кремль и китай-город, по плану 1781 г., китай-город стал центральной частью города, от которой стали веером расходиться улицы. С конца XVIII в. происходит здесь работа по уничтожению валов и засыпке рвов и постройке общественных зданий. Они строятся в господствующем в столице классическом стиле, который несколько отстает в провинции. В центре площади — „п л а ц - п а р а д“. По сторонам его мучной ряд, построенный в 1804 г. Степаном Воротиловым, и несколько позже — гостинный двор. Последний обращает на себя внимание колокольней Спаса в рядах с колоннадой, устроенной по проекту В. Красильникова. 1) Напротив ц. Спаса в

1) Отеч. Зап. 1820, ч. 1, стр. 20—58.

рядах — пряничный ряд, построенный раньше гостинного двора, судя по наличию контрфорсов, как и в мучном ряду. По концам его часовни с колоннами — начало ампира в Костроме. По правую сторону от пряничного ряда, где раньше были Спасские ворота кремля и шла земляная ссыпь со рвом; табачный ряд с красивой колоннадой стройки 1830 г. Фурсова. За испорченным зданием магистрата идет масляный ряд, построенный раньше табачного, а может быть и пряничного. Напротив гостинного двора — здание присутственных мест стройки 1809 г., обращающее внимание внушительной колоннадой. Недалеко от него здание суда, б. дом Борщева, также с колоннадой. Слева — здание гауптвахты стройки 1823 г. с тяжелыми колоннами дорического стиля, лепным фризом и метопами. Рядом с ним — каланча 1825 г. с ампирной колоннадой; в 1860-х годах к ней приставлены крылья, а позднее сделан навес для сторожа. Классический портик ц. Рождества, с одной стороны, и портик ц. Воскресения на площадке, с другой, дополняют впечатление от площади, являющейся одной из самых красивых в России. Дополним картину еще шлагбаумом при въезде на Молочную гору, следы которого сохранились, и шлагбаумом в Д. Луначарского, давно уничтоженным, чтобы нестись в начало XIX в.

Недалеко от площади — здание Дворянского собрания, перестроенное из частного дома в 1839 г. Внешняя отделка его — кувшинчики и розы бедна, но внутри поражает великолепием: прекрасен большой зал с двумя ярусами колонн и Екатерининский зал с колоннадой и разделкой плафона (потолка).

Рядом с дворянским собранием Гортеатр, открытый в 1863 г. и сгоревший в 1873 г. По сохранившемуся рисунку 3 подъезда театра были

первоначально с колоннами. В фойе еще сохранились остатки колонн, а на ложах — узоры из гирлянд.

По другую сторону площади на углу Советской и Бульварной улиц виднеется здание Старого Двора с колоннадой на углу с обычным узором из розасов и под.

**Особняки.** В пожары 1847 г., опустошившие первые кварталы б. Никольской, Марьинской, Павловской, Власьевскую ул. и др. части города, и в пожар 1887 г., начавшийся близ ц. Петра и Павла и кончившийся на Троицкой ул. за Богоявленским монастырем, погибло много дворянских и купеческих особняков, придававших городу особый колорит XVIII-XIX в. Из сохранившихся типичны д. Солодовникова и Мичурина на ул. Луначарского со стильными печами конца XVIII в., д. Королева и Акатова на Советской ул., д. Карцева ~~15~~ ул. Энгельса, д. Янцен на Бульварной ул., д. Стоюнина, соборного причта, Викентьевой и Солодовникова на Набережной ул., д. Колодезникова на Молочной горе, д. Детского приюта и Акатова на Мшанской ул. и др. Типичны пилястры, розасы и кувшинчики или колоннады, делящие дом на части.

**Музей** (Луначарского, 5) построен в 1908—1913 г. по проекту архитектора Н. И. Горлицына. Начало коллекциям преимущественно местного происхождения положено в 1891 г. Исключительно ценны коллекции неолита, бронзы и железа, иконописи, шитья и утвари XVI и XVII в.в. <sup>1)</sup>

*Ф. Рязановский*

---

<sup>1)</sup> Статья сокращена Редакция.

